

АЛЯ ПОЛЯКОВА
САША ВЕТРОВА

Мама, мой папа
БАНДИТ?

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Аля Полякова

Мама, мой папа бандит?

«Автор»

«Автор»

2026

Полякова А.

Мама, мой папа бандит? / А. Полякова — «Автор», «Автор»,
2026

— Я хочу получить свою дочь.— Получить? — нет, он определенно решил вывести меня из себя. — Амина не вещь, чтобы ты мог ее получить! Ты и твоё окружение привыкло ни во что не ставить женщин. Но я тебе не позволю Моя дочь— И моя тоже!— Она могла быть твоей, но ты выбрал другую! Что, разве твоя послушная кавказская жена, которая никогда тебя не позорит и не ставит в неловкое положение своим неподобающим поведением, еще не родила тебе наследника? Взгляд Булата темнеет еще сильнее.— Лейла умерла, Саша. Год назад. Так что Амина — моя единственная наследница. И она мне нужна. От автора: Завершено! Альтернативный Кавказ !Сказка о любви!

© Полякова А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Глава	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Аля Полякова, Саша Ветрова

Мама, мой папа бандит?

1. Глава

— А это кто?

— Магомедовы. Владеют землей на юге. И решают многие административные вопросы в столице.

— А там?

— Аскеровы. Важные люди. У них сеть отелей, как на побережье так и в горах. И отели отличные. Хочешь на море, ласточка? — Булат трется носом о мой висок и оставляет короткий колючий поцелуй.

Я смущенно прячу улыбку, прижимаясь к его плечу.

— Хочу.

— Что у тебя с учебой ближе к концу недели? Сможем вырваться?

— Я думаю сможем, — поднимаю вверх лицо надеясь на поцелуй в губы, но Булат аккуратно укладывает мою голову обратно на свое плечо.

— Чуть позже, ласточка, когда мы останемся наедине я подарю тебе всю свою нежность.

— Ловлю на слове, — хихикаю, и натываюсь на осуждающий взгляд пожилой женщины в платке недалеко от нас.

Мы танцуем в середине зала большого банкетного зала одного из лучших ресторанов города. Сегодня женится одна из дочерей главы кавказской диаспоры, и мы с Булатом Усмановым впервые вышли в свет вместе. Мне неудобно, кажется все пялятся на нас, на меня...

Я постаралась одеться согласно дресс-коду и важному событию. На мне черное струящееся платье-комбинация в пол, на плечи накинут пиджак. Мне в нем жарко, но я боюсь оголить плечи, боюсь вызвать еще большее осуждение со стороны родственников и знакомых Булата.

Когда он рядом, а его рука согревает меня через тонкую ткань платья на поясице я чувствую себя уверенней. Но стоит ему отойти, а отходит он часто, чтобы пообщаться с мужчинами, я сразу ощущаю острое одиночество.

Я здесь никого не знаю. И ни с кем не удастся завести беседу больше чем на две реплики, разве что с официантами.

— Я в уборную на минутку, — шепчу на ухо Булату.

Он кивает, переводя взгляд на группу солидных мужчин, стоящих неподалеку. Аскеровы. Важные люди. С деньгами и связями. Я запомнила.

Женский туалет, больше похожий на восточный будуар, оказывается пуст. Быстро поправив макияж у зеркала, я захожу в кабинку.

В этот момент в уборную влетают две девушки. Их звонкие голоса, усиленные акустикой комнаты, не оставляют шансов на уединение.

— ...ничего не понимаю, — говорит первая голосом с характерным акцентом. — У Булата-то выбор был. Алина, Марьям... Все хорошие девушки из наших семей. А он привел... Эту.

Кровь ударяет в лицо. Я боюсь даже пошевелиться.

— Я слышала, она на работу ходит, как мужчина, и детей не хочет.

Хочу! Хочется крикнуть... Но не сейчас, сначала нужно доучиться, получить опыт в преподавании. Мы с Булатом все это обсуждали, он понимает... Понимал, по крайней мере...

— Ну и что он в ней нашел? Красивая? Ну, может быть. Но не в красоте же счастье. Он же сам под удар себя ставит. Его же уважают люди, а она... Видела, как танцевала? Вся извивается как змея на сковороде. Наши девушки умеют себя подать мягко, а эта...

Сил слушать оскорбления больше нет. Лицо пылает, а внутри наоборот будто все заледенело.

Нажимаю на кнопку слива и открываю дверь кабинки. Смотрю прямо перед собой. Девушки, резко замолчав, спешат выйти, но как только за ними закрывается дверь, меня оглушает их хохот. Я еще долго мою руки под холодной водой, стараясь смыть обидные слова.

Когда нахожу в себе силы, иду на поиски Булата. Мне хочется уйти с праздника досрочно, но не предупредив его я не могу этого сделать...

Булат, одетый в черный смокинг, стоит в окружении мужчин в другом конце зала. Он внимательно слушает седовласого старика, не замечая как я несколько минут настойчиво подаю ему знаки обратить на меня внимание.

— Извините, я ненадолго заберу своего мужчину, — говорю я, опуская руку на локоть Булата.

Круг мужчин резко замолкает. Все обращают взгляд на меня. Брови старика поднимаются вверх, а Булат дергается, как от удара тока, невольно, как мне хочется думать, сбрасывая мою руку.

— Саша, сядь за стол, я подойду через пару минут, — его голос всегда мягкий, на этот раз звучит непреклонно, а глаза транслируют мне необходимость подчиниться и не спорить.

— Но я...

— Позже, Саша. Сейчас я занят, — чеканит Булат и отворачивается обратно к мужчинам. — Женщины, сами понимаете.

Новый взрыв хохота, на этот раз мужского, окатывает меня с головы до ног унижением.

Обняв себя за плечи, я разворачиваюсь и в смятении иду по направлению к столу, по пути натываясь на неодобрительные взгляды, шепот, смех...

Я не буду сидеть одна за столом! Не буду всеобщим посмешищем!

К черту!

Резко нагнувшись, расстегиваю ремешки на босоножках и скидываю их, ощущая босыми ногами холодный пол.

Выпрямив спину, шагаю на танцпол в самый центр.

Музыка живая, ритмичная, с глубокими, чувственными битами. Закрыв глаза, отдаюсь ей. Все движения — вызов. Плавные, но раскованные волны бедрами, взметнувшиеся руки, откинута назад голова с распущенными волосами. Я танцую не для них. Я танцую против них всех. Против их усмешек, их шепота, их правил. Я показываю им ту Сашу, которую они боятся и не понимают — свободную, чувственную, не вписывающуюся в их рамки. Ту которую любит Булат.

Я чувствую на себе взгляды десятков глаз — осуждающих, удивленных, восхищенных. Мне все равно. Пока сильная рука не впивается в запястье так, что кости хрустят.

Булат протаскивает меня через весь застывший зал, пока не заталкивает в какую-то темную подсобку.

— Ты совсем с ума сошла, Саша? Как ты себя ведешь? Опозорить меня решила? — яростно шепчет Усманов.

Его красивое лицо в нескольких сантиметрах от моего, но я его не узнаю. Это не мой мужчина, он словно другой человек. Жесткий и презрительный, без ножа режет меня взглядом.

— Я что-то сделала не так? Тебе же всегда нравилось, как я танцую! Ты говорил у меня талант! Что поменялось?

— То, что ты выплясывала на глазах у всех этих людей, а не для меня одного.

— А я должна танцевать только для тебя? Как наложница? Или кто? А Марьям танцует для тебя?

— Что ты несешь? Ты пьяна? Дыхни на меня, — рычит Булат, сминая ладонью мои щеки. Я бью его по руке, стараясь вывернуться.

— Меня все обсуждают и осуждают. Я что должна молча терпеть это? Ты меня не защищаешь!

— Значит веди себя так, чтобы не обсуждали и не осуждали. Веди себя достойно! Ты думаешь, я не слышу, что про тебя говорят? Слышу! Мне плевать, что говорят другие. Ты — мой выбор. Других это не касается. Но есть традиции, от них никуда не уйти. Я пытаюсь здесь строить отношения, завоевать уважение! А ты одним своим дурацким танцем все это ставишь под удар. Поняла? Ты позоришь не только себя. Ты позоришь меня. Танцы босиком, как последняя...

Булат не договаривает, с силой проводит рукой по лицу и отворачивается. А мне так больно, будто он меня ударил.

— Я еду домой.

Глава 2

Утро я встречаю с жуткой головной болью и опухшим лицом — вчера я уснула после продолжительных рыданий в одиночестве, потому что Булат психанул и дома со мной не остался. Сейчас, остыв, я понимаю, что он и не мог остаться. Ему важно было быть на том празднике. Он много раз говорил мне, что сейчас все непросто и их семья пытается вернуть уважение, которое было утрачено из-за поступков дяди, который предал диаспору и сбежал с крупной суммой ворованных денег за границу. Но вчера все это казалось мне не таким важным в сравнении с моей обидой...

Ругаю себя почему зря, понимая, что вела себя как избалованная девчонка. Взбалмошная, дерзкая и строптивая. Я такой всегда была. И Булату это нравилось. Но вчера... Вчера мне просто нужно было потерпеть.

Не ради себя. Ради него. Потому что он ради меня уже шел на многое, отбиваясь от многочисленных нападков в адрес “девушки неправильной религии и воспитания”. Все эти слова отскакивали от него, никак не влияя на его мнение и решения. А я все испортила.

“Ты не себя унизила, Саша. Меня. И не перед кем-то левым. Перед людьми, от мнения которых многое зависит. Я во многом завишу. Мне рядом нужна женщина, которой я могу доверять. И которая не вонзит мне нож в спину, как сегодня это сделала ты”.

Вспоминаю его уничижающий темный взгляд, которым он смотрел на меня в том ресторане и жесткие слова, что сказал на прощание, когда привез домой. А потом представлю, что мне еще предстоит выслушать от Усманова теперь, когда мы оба остыли.

Сты-ы-ыдно.

Хочется заползти обратно под одеяло и сделать вид что вчерашнего дня просто не было.

Вздыхнув, переворачиваюсь на бок и нащупываю на тумбочке телефон. Несколько сообщений от подружек, пара уведомлений в соцсетях — вот и все, что светится на экране. От Булата ничего... Хотя обычно он первым желает мне “доброго утра”.

Этим утром мне особенно жаль, что мы не живем вместе. У Булата квартира в центре. Я уже несколько лет снимаю с одногруппницей квартиру, просто в эти выходные она гостит у своих родителей в Подмоскowie. Пару недель назад Усманов предлагал снять для меня отдельное жилье, но я отказалась. Посчитала, это будет неуместно. К тому же, мы могли бы жить вместе... Но когда я робко предложила ему такой вариант, он отмел его, заявив, что в его культуре жить можно только если мужчина и женщина в браке. И его не поймут.

Так же как не поняли и вчера.

Господи, я такая дура... Своим вчерашним поведением только подлила масла в огонь.

Неприятная тяжесть оседает на дне желудка. Сейчас я бы многое отдала, чтобы вернуться на двенадцать часов назад и все изменить. Чтобы не было ни ссоры, ни танцев, ни демонстративного неповиновения. И главное — не было бы презрения в глазах мужчины, одна мысль о котором заставляет мое сердце биться чаще.

Встав с постели медленно иду на кухню. Стараюсь не совершать резких движений — голова трещит так, что, кажется, готова взорваться. Нахожу в ящике таблетку обезболивающего, запиваю стаканом воды. Потом также неторопливо иду в ванную, где чищу зубы и умываюсь ледяной водой.

Почувствовав себя чуть лучше, возвращаюсь в спальню и беру в руки телефон. Обычно я не звоню Булату первая, но сейчас знаю, что должна. В его глазах я вчера совершила море непростительных вещей. И, зная его характер, он заставит меня раскаться по полной... И я готова. Да, на этот раз я готова. Несмотря на свой гордый характер, который ничем не уступает его собственному, сейчас я готова признать свою неправоту. И пообещать ему что угодно —

даже навсегда отказаться от публичных танцев, которые для меня, как для танцовщицы, являются неотъемлемой частью жизни.

Зажмурившись, звоню. Ладочки потеют, а дыхание сбивается, пока я слушаю длинные гудки. А потом — резкий сброс. В первый миг я даже не осознаю того, что произошло.

Булат сбросил.

Он никогда меня не сбрасывает.

Убедив себя, что это проблемы со связью, я набираю его снова. И снова.

Но результат все тот же — несколько длинных гудков и сброс. Усманов не желает со мной разговаривать!

Сердце болезненно сжимается, предчувствуя катастрофу. Невидящим взглядом я смотрю на гаджет в руке, словно силой мысли пытаюсь воскресить его к жизни. Но в итоге происходит другое — из коридора доносится трель домофона.

Я подскакиваю на ноги, чувствуя как с плеч падает многотонная плита. Это Булат! Это точно он. Пришел вместо того, чтобы звонить и писать...

Пока бегу в коридор, представляю, как скоро повисну на его шее и буду молить о прощении. А он поцелует меня — крепко и горячо, как только он может, и заставит меня забыть обо всем.

Дистанционно открываю дверь подъезда и маюсь у открытой двери. Рисую в воображении как Усманов уверенно заходит в подъезд, потом вызывает лифт, поднимается ко мне... Такой красивый, мужественный, сильный. Единственный для меня. Пусть даже на меня злится — я сделаю все, чтобы его успокоить.

Сердце готово выскочить из груди, когда лифт останавливается на этаже. Но в следующий миг из створок вместо мощной фигуры Булата появляется щуплый парень с букетом ярко-красных роз. Разочарование бьет меня наотмашь, так что приходится привалиться плечом к дверному косяку, чтобы не упасть.

— Вы Александра? — спрашивает доставщик, протягивая мне цветы.

Вяло кивнув, забираю букет. Тупо смотрю, пока парень уйдет, и только после этого возвращаюсь в квартиру. Среди крупных плотных бутонов замечаю небольшой черный конверт. Кладу цветы на стол, вскрываю. И даже не замечаю, что пока я раз за разом читаю жестокие слова на карточке, острыми шипами ранящие сердце, по моим щекам текут горькие слезы.

“Между нами все кончено, Саша. Не звони мне и не ищи. Нам было хорошо, но это финал нашей истории. Прощай. Б.У.”

Глава 3

— Нет, нет, это какая-то ошибка! — я выбегаю в коридор босая, пытаюсь догнать курьера, чтобы вернуть ему букет и записку.

Это ошибка. Я уверена. У нас с Булатом все хорошо. Ведь было все хорошо... До вчера. Но кто не ошибается? Неужели вот так после одного недоразумения он готов перечеркнуть год наших отношений?

Моих первых серьезных отношений в жизни. И его. Он так говорил. Что никогда до меня ничего подобного не чувствовал, что только встретив меня понял, что такое любовь.

Я его ласточка, а он моя твердыня, опора и защитник.

Мы познакомились благодаря моим танцам. В тот вечер у меня была отработка по современной хореографии. Наш университетский коллектив готовился к важному конкурсу. Я задерживалась и не успевала на репетицию, потому что взяла пару лишних смен в кофейне около дома — деньги у студентки заканчивались слишком быстро.

Булат зашел в кофейню в тот самый момент, когда я думала, что уже закрыла дверь и, сняв фартук, отрабатывала танцевальные движения в ожидании такси до университета. Вздрогнула, когда закончив танцевать вдруг услышала аплодисменты и увидела Булата.

Сначала он напугал меня до чертиков! Еще бы, здоровый плечистый мужчина с темными волосами, смуглой кожей и карими глазами не внушал доверия. Но когда он мягко улыбнулся, заговорил и пошутил, то сразу меня очаровал. Я сделала ему кофе, а такси так и не приехало. Тогда он предложил довести меня до университета, показал свой паспорт и даже разрешил его сфотографировать и отправить маме. Я согласилась. А когда после репетиции вышла из университета, вновь увидела его...

Так и началась наша сказка, и я не верю, что она может так резко закончиться!

Я снова и снова набираю номер Булата, мечась по комнате как раненое животное. На цветы смотреть не могу, как и на записку. Меня сразу начинает мутить.

Булат скидывает раз за разом мои звонки, а когда я начинаю ему писать, паника, холодная и липкая, ползет по спине. Сообщения не доходят...

Мысли путаются, слезы снова подступают, но я их смахиваю. Нет. Я не могу сидеть и ждать. Я должна его увидеть. Сейчас же. Раз у нас все кончено, пусть хотя бы будет мужчиной и скажет мне это в лицо. Уж это-то я заслужила.

Натянув велосипедки и какую-то футболку, я беру такси и мчусь к дому Усманова. Сердце колотится где-то в горле. Вот его подъезд. Я знаю код домофона, поэтому не звоню, а захожу внутрь.

Лифт. И вот его этаж.

Останавливаюсь перед дверью, чтобы перевести дыхание и нервно поправляю растрепанные волосы. Сейчас он откроет. Увидит меня. Мы поговорим, может поругаемся, но все решим! И все будет как раньше.

Нажимаю на звонок. За дверью слышатся шаги. Тяжелые. Не его походка.

Замок шелкает. Один миг — передо мной, опершись плечом на дверной косяк, стоит копия Булата, но словно моложе на пару лет. Высокий мускулистый парень устало потирает лицо ладонями.

— Пришла значит.

— Здравствуйте, а где Булат? — мой голос дрожит, я обнимаю себя руками. — Можете его позвать? С ним все в порядке?

— С ним будет все в порядке, если ты, девочка, оставишь моего брата и всю нашу семью в покое.

С запозданием, но до меня доходит, кто передо мной. Это младший братишка Марат... Я узнаю его не сразу, хотя Булат показывал мне его на фото и пару раз мы болтали по видео, когда он звонил ему. Он казался адекватным, веселым... Не так я представляла себе нашу первую встречу.

— Я хочу с ним поговорить, Марат, пожалуйста. Он прислал мне цветы... И...

— Цветы — это не приглашение к разговору, Саша. Это вежливое прощание.

— Прощание? — повторяю эхом.

— Мой брат сделал выбор в пользу семьи. Он дался ему трудно. Не усугубляй ситуацию, Саш. Ты молодая, у тебя все впереди. Булат принял решение. Оно окончательное. Пожалуйста, сохрани свое достоинство и перестань навязываться. Так будет лучше для всех. Для тебя в первую очередь.

— Ты не понимаешь, я люблю его...

— Если будут проблемы мы поможем, но на этом все. Уходи, Саша. Забудь Булата.

Он мягко, но неумолимо закрывает дверь прямо перед моим носом. Я стою, уставившись на темное дерево, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Это не ошибка. Булат... Он правда решил закончить наши отношения вот так...

Обратная дорога в квартиру — слепое пятно. Я ничего не вижу, ничего не помню, брожу несколько раз вокруг дома и не хочу подниматься к себе.

Горе и стыд сдавливают грудную клетку так сильно, что больно дышать.

До меня потихоньку доходит смысл сказанный слов Маратом...

Сделал выбор в пользу семьи...

Вот значит как.

Перестань навязываться...

Господи, почему так больно-то? Может я сплю?

На диване в гостиной сидит Лиза, моя подруга. Вернулась от родителей... Она смотрит какой-то сериал на планшете и доедает пиццу.

— Ну наконец-то! — оборачивается она. — А я уж думала, ты с Булатом снова в райском саду пропадаешь.

И тут ее взгляд падает на мое лицо, заплаканное и опухшее, а потом перескакивает на огромный букет, который я все же поставила перед уходом в вазу.

— Ненавижу эти розы, — с испепеляющей злостью скидываю букет со стола.

Слезы опять рвутся наружу, и я оседаю на пол, обхватив голову руками, сотрясаясь от рыданий.

— Сашка, ты чего? — Лиза вскакивает с дивана, подбегает ко мне, обнимает и начинает утешать.

Глава 4

Порой мне кажется, что все происходящее — дурной сон. Но, к сожалению, сколько бы я ни старалась, проснуться не получается.

Булат меня бросил.

Он действительно меня бросил.

Нет больше звонков. Нет встреч. Нет жгучих поцелуев и темных глаз, в которых я тону. Теперь я тону только в собственной тоске и бессилии. Потому что я ничего, ровным счетом ничего не могу сделать, чтобы как-то повлиять на решение Усманова.

Хожу в университет, работаю, танцую, стараюсь каждую минуту занять чем-то полезным чтобы не думать, но все тщетно — в груди кровотоцит незаживающая рана, а стоит закрыть глаза, воображение рисует мне Булата.

Неделю назад мне показалось, что я видела его машину из окна аудитории университета. Комок радости, как шаровая молния, ударил меня в грудь, но когда я как сумасшедшая выбежала на улицу парковка была пуста.

В другой раз мне померещилась его рослая фигура в темном костюме возле супермаркета у дома. Подумала, пришел ко мне, чтобы поговорить. Даже тележку бросила на кассе, не забрав покупки и не расплатившись. Но... Нет.

Он не приходил. А я просто сумасшедшая, если все еще его жду...

Такие как Булат не повторяют дважды. Его «все кончено» — это уже свершившийся факт. А я ведь думала, что у нас все по-настоящему. Именно поэтому так сильно болит. И именно поэтому так тошно.

— Саш, пошли гулять, — из соседней комнаты до меня доносится голос Лизы, которая весь этот жуткий месяц не оставляет попыток вернуть меня к полноценной жизни. — Отказ не принимаю. Ты уже три дня не выходила из дома!

Повернувшись на бок, обхватываю колени руками, притягивая их к груди.

Мне не хочется. Мне ничего в последнее время не хочется. Даже плакать уже нет сил — чаще всего я просто лежу, уткнувшись невидящим взглядом в потолок, и гоняю взад и вперед мысли. Наверное, это приходит запоздалое осознание. Осознание конца.

Для этого мне потребовался без малого месяц. Месяц без Булата.

Если он хотел наказать меня за строптивость, ему это удалось. Потому что теперь во мне не осталось и следа того огня, что пылал раньше... Я просто оболочка. Чертова оболочка, за которой лишь пустота.

— Ты опять ничего не ела! — хмурится Лиза, заходя в мою спальню и замечая на тумбочке остывший чай и бутерброд с покрывшимся коркой сыром.

— Я же говорила, что не хочу, — говорю вяло, не глядя на подругу.

— Так не пойдет. Ты должна есть, — теперь в ее голосе слышится тревога. — Еще один голодный обморок, и я пожалуюсь твоим родителям. Слышишь? Я не шучу.

Я хмурюсь, понимая, что беспокойство Лизы оправдано. Будь я на ее месте, тоже бы была тревогу. Но что я могу сделать, если от вида еды меня воротит?

— Вставай! — настаивает Лиза. — Давай пройдемся до кофейни в соседнем доме. Возьмём твой любимый латте и чизкейк.

— Лиз... — я вздыхаю. Идти мне тоже никуда не хочется. И, честно говоря, я даже не уверена, что смогу — в последний раз, когда ходила в туалет, пришлось держаться за стенку, настолько сильной была слабость.

Видимо, недостаток нормального питания сказывается. Организм меня подводит.

— Не желаю ничего слышать, Мельникова! — бурчит Лиза, трогая меня за плечо. — Лежать тут и страдать по этому кретину, который и мизинца твоего не стоит, я не позволю! Саш, ну, пожалуйста...

Этот переход от угроз к состоянию близкому к панике чересчур резкий, чтобы я могла его проигнорировать.

— Ладно, — шепчу я, заставляя себя подняться.

Комната немного покачивается перед глазами, но чувствую я себя не так паршиво, как несколькими часами ранее.

Опускаю босые ноги на пол. Даю себе возможность привыкнуть к вертикальному положению. Ловлю подозрительный взгляд подруги.

— Все нормально, — говорю тихо, делая попытку улыбнуться. — Иди собирайся. Сейчас пойдем.

Прежде чем выйти, Лиза лишь закатывает глаза — это ее реакция на мое «нормально». Понимаю ее. И не осуждаю. Из меня всегда была отвратительная лгунья.

Несмотря на слабость, я заставляю себя переодеться. Не заморачиваюсь с макияжем и прической — на это вообще нет сил. И желания тоже. Нет желания быть красивой. Булат отнял у меня даже это.

До кофейни от дома буквально триста метров. Нужно просто пересечь детскую площадку и зайти за угол, но это расстояние кажется мне бесконечным. Ноги будто наливаются свинцом, а в голове наоборот нездоровая легкость.

— Присядь, я закажу, — Лиза кивает на круглый столик на террасе, прежде чем скрыться в помещении.

В ожидании подруги я без особого интереса смотрю по сторонам. На мамочек с детьми на площадке, на соседку с пятого этажа, выгуливающую собаку, и на то, как грузчики грузят мебель в «Газельку».

Кто-то переезжает.

Снова болезненно екает сердце.

Булат предлагал снять мне квартиру. И собирался свозить на море... Столько времени прошло, а у меня в голове никак не укладывается, как быстро мы перенеслись от подобных планов к... абсолютному ничему.

— Твой латте. И чизкейк, — Лиза ставит передо мной стаканчик с кофе и тарелку с десертом и опускается на стул напротив.

— Спасибо.

Сделав глоток кофе, беру в руки вилку, чтобы попробовать чизкейк — здесь его готовят особенно вкусно. Но попробовав кусочек, лишь морщусь и выплевываю десерт на салфетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.